

Когда я поприветствовал всех, меня словно перестали замечать. Императрица Катя подвела меня к короткому сиденью рядом со своим временным тронem, пока дамы начинали обсуждать предстоящий бал дебютанток. Очевидно, «сезон» официально начался с проведения Весеннего бала, и необходимо планировать множество мероприятий для незамужних девушек. Эта тема показалась мне пустой, и я быстро отключился, вместо этого размышляя о своем неудачном знакомстве с высшим светом.

Неужели это собрание является заветной мечтой каждой девушки с каплей голубой крови? Все выглядит слишком поверхностно и бессмысленно, оставляя неприятное послевкусие. Свободный от необходимости поддерживать беседу, так как я единственный ребенок в комнате, я обвожу взглядом просторный будуар.

Большие арочные окна выходят на зеленый двор, художественно оформленный дворцовыми декораторами. Обои винного цвета украшены лилиями. Картины с пейзажами природы красиво расставлены по всей комнате, демонстрируя богатство императрицы. Помимо кресел и мягких скамеек, на которых мы сидим, здесь есть пианино, клавесин и небольшой письменный стол. Я также наблюдаю за женщинами, пока они общаются.

Одна из дам, скромная фрейлина, именуемая виконтессой Эмерсон, просто повторяет все, что решает императрица Катя, предлагает выйти на улицу в какой-то момент, но другая фрейлина настаивает, что на улице «слишком жарко», чтобы об этом даже думать. Очевидно, женщины более низкого ранга уступают женщинам более высокого ранга, поэтому я мысленно помещаю виконтессу на более низкую ступень в своей иерархии.

«Бедная леди Вестмонт, ее мать умерла несколько недель назад. Просто думая о том, как эта бедная девушка уже год или два как дебютировала, а теперь сидит одна в поместье Вестмонт, у меня болит сердце», - шепчет кто-то, возвращая меня в разговор. Это имя знакомо, но ответ ускользает, как зуд, который невозможно почесать. Это оставляет меня в беспокойстве.

«Да, конечно!» - дамы накидываются на эту тему, как собаки на кость.

«Когда я была в ее возрасте, я, кажется, уже была помолвлена с лордом Брайсом», - хихикает фрейлина, которая замужем за маркизом Брайсом. Она выглядит не старше 20 лет, но говорит, будто она престарелая матрона.

«А сколько же лет этой леди Вестмонт?» - спрашивает женщина средних лет с любопытным блеском в глазах.

«17».

«17? Так это не очень поздно. Как ее старшие подруги, я полагаю, нам следует позаботиться о ее замужестве», - говорит женщина, задумчиво поглаживая подбородок с плохо скрытым алчным взглядом.

«Леди Верница! Неужели вы пытаетесь заполучить эту девушку для себя?» - с горечью глядит герцогиня Тейлор и резко закрывает веер, не настроенная играть в игры.

Я с любопытством смотрю на этого нового оратора, который до сих пор не принимал участия в разговоре. Ее суровые черты и седые волосы окружают ее строгой аурой, делая ее хмурое лицо еще более внушительным. Ее резкий голос контрастирует с приятной, неискренней беседой, но никто не решается ей противоречить, что повышает ее статус в моем восприятии.

Леди Верница неловко прочищает горло. «Герцогиня Тейлор, мой муж часто уезжает на войну

на длительные периоды и забирает с собой моего единственного сына. Разве неправильно, что я хочу иметь невестку, чтобы она составляла мне компанию в поместье?» - говорит она с грустью, не желая отступать.

«Хмф! Вы просто хотите проторить своему сыну дорогу к ранней службе. Не думайте, что я не вижу того, что у вас на уме», - быстро отвечает герцогиня. Две женщины свирепо смотрят друг на друга, на мгновение забыв о типичных придворных формальностях.

Звонкий смех, не режущий слух, но все же привлекающий внимание, разносится по комнате, возвращая внимание к моей мачехе, императрице Кате.

«Как невежливо с моей стороны не предложить всем вам чай. Линетта, подай дамам чай», - говорит Катя, смеясь за веером над своей глупой ошибкой. Это сделало ее доброй и близкой, вызывая у многих женщин возражения, что это не является большой проблемой. Это также эффективно пресекло развитие разговора об этой бедной девушке Вестмонт, куда он, безусловно, направлялся. Не иметь матери, заступающейся за тебя в это время - я воочию наблюдаю, как моя жизнь может попасть во власть и козни этих поверхностных женщин.

«Ваше Величество, это пустяки! Если я буду честна с вами, я слишком много пила чая за завтраком сегодня утром и совсем забыла об этом!» - длинно и беспомощно оправдывается леди Маллгард, пытаясь вернуть благосклонность императрицы после предыдущего порицания.

Я восседаю рядом с Катей, ее прекрасное лицо в нескольких дюймах от моего, позволяя мне рассмотреть вблизи ее реакции на женщин, сидящих в комнате. Она игриво отвергает комментарий леди Маллгард, но уголок ее рта слегка опускается, свидетельствуя о ее отвращении. Внезапно ее холодные янтарные глаза устремляются вниз, в мою сторону, прежде чем я успеваю отвести взгляд, и я дарю ей большую, глуповатую улыбку, пока мое сердцебиение ускоряется. Я не думаю, что что-либо хорошее выйдет из привлечения внимания Императрицы Кати ко мне. И я оказываюсь права, потому что следующие слова Кати касаются лично меня.

"Сестры," - говорит она знакомым тоном, беря мою руку своими мягкими ладонями, "Сегодня у нас новая гостья, Принцесса Зима. Она пришла к нам издалека, в поисках любящего дома. Я надеюсь передать ей ту же благодать и этикет, которым мы учились в юности, как и Гелио, мой второй ребенок".

Цветистые слова, которые умно напоминают всем о моем сомнительном происхождении и моем статусе бастарда. В то же время, когда я чувствую первые проблески ненависти в своей груди, я не могу не восхищаться ею. Неудивительно, что Зиму так легко контролировали в романе. С противником, подобным Императрице Кате, вам потребуется быть исключительно умным человеком с множеством козырей на руках. А у меня их нет - ни денег, ни влиятельных покровителей. Даже если я этого не хочу, эта скрытая враждебность напоминает мне, что получение звания обещанного ребенка - мой единственный путь к выживанию.

"Вы поистине святая," - приторно льстит придворная дама, чье имя я не знаю. У Кати есть 4 фрейлины, состоящие из дворянок, постоянно проживающих в столице, обозначенные особой звездообразной булавкой, с которой висит инициал императрицы, К.

Катя отвергает комплимент, демонстрируя скромность. "Это просто мой долг как матери империи."

Я подавляю желание закатить глаза, когда Катя отпускает мою руку, чтобы взять чашку чая с

подноса, быстро доставленного служанками. Я сижу на более низком и неудобном стуле рядом с Катей, что ясно показывает разницу в нашем статусе. Меня обслуживают последней, несмотря на то, что мой статус технически выше, чем у многих дам в будуаре.

Подходящая ко мне молодая служанка имеет вызывающий вид, который сразу же ставит меня на чеку. Неформальный трон Кати находится во главе круга кресел и ближе всего к двери. Поскольку спина служанки обращена к большинству дам, только Катя и я можем хорошо видеть эту служанку, которая должна подать мне чай.

"Ваше высочество," - говорит она, делая быстрый реверанс, не соответствующий более глубокому реверансу, положенному мне, "Ваш чай."

По какой-то причине она протягивает поднос с чаем ко мне, а не на маленький столик рядом со мной. Настоящая царственная особа никогда не взяла бы поднос в руки, но из-за естественного инстинкта и внезапности ситуации я тянусь, чтобы принять чай, который она мне подает.

В глазах служанки вспыхивает что-то, и как только мы собираемся передать чашку, ее правая рука сбивается. Всего несколько секунд - и поднос выскальзывает из ее рук, больно ударяя меня по колену на пути к полу. Но это быстро затмевается перевернутым фарфоровым чайником, который разбивается на тысячи осколков и щедро обливает меня кипящим чаем.

Моя болевая выносливость не выше или ниже средней, но в тот момент, когда жгучая боль пробивается сквозь мою юбку к обнаженной коже, я выпускаю недостойный возглас: "Ай!"

Коричневая жидкость стекает с моих колен на пол, и я сразу встаю, чтобы мокрая ткань перестала прижигать мою плоть.

"Господи!" драматично восклицает леди Эмерсон. Если на меня еще не были обращены все взгляды, то теперь, после ее громкого возгласа, они устремлены на меня.

Я не из тех, кто будет напрасно ругать кого-то после того, как сам сталкивался с гневом клиента. Однако нахальная ухмылка на лице служанки, когда она неторопливо приседает на пол, подбирая осколки стекла, разжигает мой гнев.

"О, дорогая," - говорит императрица, прежде чем я успеваю вставить слово, "Зима, ты такая неуклюжая. Служанка должна была поставить поднос на столик для чая, а не прямо в твои руки."

Что? Перестановка в повествовании ошеломляет меня, и я остаюсь с глупым выражением лица, пока дамы самодовольно кивают в знак согласия.

"Но я не.." - начинаю нетерпеливо, готовая оправдаться.

"Я вижу, что твой учитель этикета не научил тебя как следует этому вопросу," - Катя демонстративно качает головой и смотрит на меня с беспокойством, как будто я не более чем неловкая дура, неспособная на простое действие, как пить чай. Служанка намеренно вылила кипящую жидкость на мои ноги, а теперь Катя преподнесла все это так, что это выглядит против меня.

Сейчас нет смысла спорить с моей мачехой, так как люди качают головами, осуждая мою неуклюжесть. Между словом императрицы и маленького ребенка даже самый глупый не поверит мне.

Я быстро поворачиваюсь к императрице, и в ее глазах мелькает вспышка удивления, когда я смиренно говорю: "Это моя вина, что я не внимательно следил за своими уроками, а не вина миссис Ларош. Прошу прощения, что пролил чай на вас, мама."

Это уважительные извинения, и моя голова склонена в знак уважения, совершенно противоположно тому взрыву, которого ожидала Катя. В глазах знатных дам плавают едва ощутимое одобрение, наряду с приглушенными словами признательности. Катя видит все это и быстро приходит в себя, даже не позволяя мне уйти, чтобы переодеться из испорченного платья для королевского двора.

"Незначительно, что ты пролил чайник с чаем. Однако, чтобы оскорбить взор всех женщин при дамском дворе, ты не думаешь, что должен извиниться и перед ними тоже?" - мягко отвечает она. Я стискиваю зубы и поворачиваюсь к дамам в круге со своим запятнанным чаем.

"Приношу свои извинения, благородные дамы", - говорю я, и челюсть болит, когда женщины расправляют плечи под извинениями. Заставить императорскую принцессу проявить уважение к женщинам более низкого ранга будет гораздо труднее, чтобы завоевать их уважение после этого дня.

"Ваше величество", - говорит леди Брайс с хитрым взглядом, - "у меня есть метод, который укрощает неустойчивые руки детей. Это очень помогло моей младшей сестре, Элизабет, когда она витала в облаках, а не слушала свою гувернантку. Не знаю, согласитесь ли вы позволить мне попробовать?"

"Если вам угодно, леди Брайс", - говорит императрица Катя, давая дежурной даме зеленый свет.

"Служанки! Принесите еще один чайник, но замените чай на воду!" - приказывает леди Брайс. Быстрые ноги прислуги сразу же выполняют ее просьбу, почти выбегая с одним-единственным чайником и чашкой на подносе.

Леди Брайс демонстрирует свои грациозные движения, когда ловко берет чайник с чаем парой пальцев, прежде чем изящно наливает полную чашку воды. Я вижу, как поднимается пар из золотистой чеканной чашки, и накатывает волна тревоги.

"Быстро, отнеси эту чашку ее величеству", - приказывает она личной помощнице, стоящей рядом с ней. Помощница, полная такой же дерзости, как и ее госпожа, направляется туда, где я стою, и останавливается прямо передо мной.

"Просто попроси ее высочество удерживать чашку в руках до конца собрания. Если ни капли воды не прольется из чашки, значит, она действительно научилась на своих занятиях. Если нет.." - леди Брайс замолкает, но намеки не в мою пользу.

Вблизи я вижу, что эта чашка раскаленная докрасна. Слабые пузырьки все еще пляшут на поверхности чайника, говоря мне, что воду только что налили и вынесли, не дав ей остыть, как следует. Сама чашка сделана из тонкого фарфора, с тонкой ручкой, которая едва кажется способной выдержать вес чашки.

"Давай, Винтер, возьми ее," - мягко подбадривает Катя, пока женщины смотрят с возбуждением, словно на представление. "Обязательно используй обе руки, чтобы держать тело чашки, а не ручку, тогда обе твои руки смогут научиться держаться устойчиво", - добавляет она задумчиво.

Я хочу содрать с нее лицо.

"Да, мама", - послушно говорю я, присаживаясь. Я нервно глотаю и беру чашку, едва не выпуская ее из-за обжигающего тепла на кончиках пальцев. Слезы щиплют глаза, когда я крепко беру чашку с подноса, ледяная обжигающая боль почти сводит меня с ума. Мои руки дрожат и трясутся, а Катя светится улыбкой, словно гордая.

"Я знала, что ты ее не уронишь", - говорит она, будто гордится мной.

Я помню из романа, что это распространенное наказание для детей, и именно это пришлось перенести Кларе, когда она снова училась этикету после появления в этом мире. Но чайные чашки для практики всегда наполнены прохладной или комнатной температуры водой!

Мое тело трясется, как при лихорадке, но я не хочу дать Кате еще один повод, чтобы меня мучить, поэтому я собираю волю в кулак и крепко держу обжигающую чашку. Я больше не могу сдерживать боль, и одна прохладная слеза скатывается по моему лицу, капая на мою обожженную руку. Через две минуты мои пальцы начинают неметь, что еще больше затрудняет хватку за тело чашки.

Разговоры вокруг меня текут свободно, с редкими косыми взглядами в мою сторону. Впечатление, которое я вынес о благородстве Эрудии прошлой ночью, рушится до новых глубин, когда я вижу, что эти женщины получают удовольствие, заставляя ребенка страдать. Под их красивыми платьями скрываются черные сердца.

Примерно через 10 минут моих скрытых мучений неожиданно за меня вступает человек.

"Ваше величество.. возможно, принцесса уже поняла свою ошибку?" - спрашивает герцогиня Тейлор гораздо более любезным тоном, чем она говорила с леди Верниц.

Некоторые люди озадачены ее заступничеством за меня, и хотя я не отвожу взгляда от чашки с водой, чтобы ненароком не пролить, я запоминаю ее жест в своем сердце.

<http://tl.rulate.ru/book/30200/3808638>